

The background of the cover is a detailed illustration of a woman with long, flowing red hair lying down. She is wearing a strapless, light blue dress with a dark, floral pattern. Her eyes are closed, and she has a serene expression. She is surrounded by a dense field of flowers, including large white and blue blossoms and smaller red flowers. The overall color palette is dark and moody, with deep blues and blacks in the background, contrasting with the vibrant red of her hair and the light blue of her dress. The entire scene is framed by a decorative, geometric border in the corners.

ДИАНА ВА-ШАЛЬ

Аконитовые
ГРЁЗЫ

18+

Диана Ва-Шаль
Аконитовые грёзы
Серия «О чем поют тени»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70404313

SelfPub; 2024

Аннотация

Марсель, 1730-е годы. Свободолюбивая дочь маркиза Аделина Буланже влюбляется в капитана корсарского судна и бежит с ним из-под венца. Целый год она бороздит с Гектором океаны, наслаждается любовью и свободой. Счастье Аделины оказывается недолгим: предатели поднимают бунт на корабле, опороченную девушку сбрасывают за борт, а капитана убивают. Однако смерть не становится завершением пути Адель, и девушка пробуждается в Межмирье, в туманном городе Нигде, получая второй шанс. Сможет ли она начать жизнь заново? Принять любовь другого мужчины, заставить замолчать жажду мести и отпустить прошлое? Или песнь океана в ее легких окажется громче?

Содержание

	7
	12
	60
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Диана Ва-Шаль
Аконитовые грёзы

Letum non omnia finit

И Л Е Й Л И С Т

Vladimir Menagze — Ce La Bu

KHzz — Agent

Tom Odell — Another Love

Yann Tiersen — Comptine d'un Autre Ete L'Apres

Oomph! — Unter diesem Mond

Willy William — Ego

Adele — Love In The Dark

CARYS — Princesses Don't Cry

Cigarettes After Sex — Cry

Green Apelsin — Проклятые рыцари

Jaymes Young — Moondust

Måneskin — CORALINE

Motionless In White — Necessary Evil

Stone Sour — Bother

The Score — In My Bones

Thorn: Of A Deadman — Shadows

Пролог

Аделина Буланже

Над бушующим морем нависает непроглядный туман: волны ударяют в корму корабля, ветвистые молнии режут низкие антрацитовые тучи. Небо словно рушится на нас, пока неистовый ледяной ветер треплет черные паруса и два флага: с человеческим и драконьим черепами. Безумием охваченный корабль то канет в пучину, то взмывает во тьму небосклона, а на мачтах раскачиваются повешенные тела, озаряемые яркими вспышками света. Жуткая картина, выжженная в памяти моей и отравившая.

Не кричу, когда меня почти волочат по палубе – идти по-

просту не могу, израненное опороченное тело болит, и каждый вдох, каждое неловкое движение напоминает о страшных часах, когда бунтовщики пустили единственное платье корабля по кругу. Боли больше нет – она умерла в муках и криках, она скончалась в отчаянье и ненависти, она задохнулась в мольбах и слезах. Юбка рваная, грязная; разорвана блуза, скинут корсет. Липкая кожа. Сорванный голос. Кононир держит меня под руки, и мне кажется, что на долю секунды в глазах пирата скользит раскаяние.

Мерти – старпом, продавший своего капитана за пару мешков золота и возможность перехватить власть на Сердце Дракона в свои руки, – хохочет, как полоумный. Сам капитан, Гектор де ла Серна, прикован к штурвалу и почти не дышит – его кровью залита палуба. Изрезанная грудная клетка. Стертая железными кандалами кожа.

Собственной боли не чувствую, думалось, что больше и звука издать не смогу – но, увидев своего капитана, вою белугой, и разрывающая сердце боль значительно сильнее всех ухищрений предателей. Гектор вздрагивает, пытается поднять голову, дернуть руки, но вновь безвольно обмякает.

– Хей, капитан, – издевательски шипит Мерти, хватая Гектора за волосы и вынуждая его поднять голову, – подожди ты подышать! Неужель не взглянешь на финальный акт представления?

– Будь проклят, Мерти, и все эти вшивые крысы... – хрипит де ла Серна. – Вы поплатитесь за предательство. Вы по-

платитесь за...

– Нет-нет-нет, ты ошибаешься, мы не поплатимся, мы получим оплату, – загорелое лицо Мерти кривится в ухмылке, – ее муженек заплатил за все, и озолотит нас сверху, когда привезем ему твою голову. Жаль он не увидел, как девка отработала каждой своей дыркой бегство, но мы постарались исполнить его волю. Но увидел ты, верно? А это главное. И, может, он в твоих стеклянных глазах рассмотрит все в красках.

Гектор дергается, а старпом ударяет его под дых ногой. Всхлипываю, почти падая, но кононир удерживает на ногах. В ветре тонет его тихий шепот мне на ухо: "Аделина, простите ради Господа..."

– Смотри, Гектор, – пытается перекрычать налетевший свистящий ветер Мерти, – я ведь говорил тебе, что девка на корабле – к беде! Ты не послушал, взял паскуду! Вот тебя беда и настигла! – старпом самодовольно становится за штурвал. – Волочите эту грязную девку на доску! Пусть прогуляется в пучину!

Толкая меня из рук в руки, команда, которая еще пару дней назад улыбалась мне и своему прежнему капитану, с упоением ожидает, когда я сделаю первый шаг на доску. *Умереть бы, да побыстрее; и, будь милостив Бог, не мучиться.*

– Сквозь бури и грозы "Сердце дракона" несется по волнам вперед, – запевает Мерти скрипучим своим голосом, и

скрежет этот сливается в какофонию звуков бушующего океана и грозы, – оставлены Богом, и лишь морской дьявол в пучинах с объятьями ждет!

Бросаю взгляд на повешенных – тех, кто остался верен Гектору, кто не тронул меня пальцем, – выколотые глаза, посиневшие лица. Перевожу взгляд на де ла Серна, с ужасом понимая, какая и ему судьба предстоит. Мужчина пытается пошевелиться, но лишь беззвучно открывает рот, проговаривая короткое "Адель..."

– Быстрее, леди Буланже, – глумится Мерти, скалясь. – А то мы решим, что вы вновь хотите подарить нам пару сладострастных минут, – вздрагиваю, делая скорый шаг на доску. – Не подумай, Адель, но твой женишок настрого запретил оставлять тебя живой. Хотя ты вполне себе куколка, я не прочь поразвлечься с тобой до берегов самой Франции. Можешь отстрочить миг смерти.

Морская пучина разверзлась. Черные волны бьются о корму корабля, пенятся, ропочут, гnevятся; не знаю, как удастся выстоять на доске. Босые ноги в крови. Разорванное платье оголяет тело. Длинные волосы треплет ветер. И жуткая бездна зовет, манит... Оборачиваюсь к старпому, смотрю в его лицо внимательно.

– Однажды ты будешь молить Господа о быстрой смерти, – проговариваю шепотом, но звучит он громко, оглушающе; Мерти, ошарашенный отшатывается, словно не веря ушам, а я, взглянув последний раз на Гектора, делаю шаг в море.

Вода накрывает. Не понимаю, что происходит. Даже не пытаюсь барахтаться. Пузырьки вверх; все глубже и глубже, начинаю кашлять, и вода быстрее наполняет легкие. Резкая боль, разгорающаяся в груди. Теряющий очертания корабль, уже такой далекий, замерший на полоске между водой и небом... Тишина. Шторма нет. Лишь вода. Бесконечная тьма. Обескураживающее на мгновение чувство легкости и счастья – *все кончено*. Но внезапно тень корабля обращается в черный хвост с длинным вуалевым плавником. Силуэт, напоминающий русалку, словно сошел с книжных страниц. Ближе ко мне. Ближе. В сгущающейся тьме различаю девушку. Зеленые глаза ее переливаются, в черных волосах искрится жемчуг. Она дотрагивается до моей руки, тянет в свои объятия, а затем, махнув с силой хвостом, утягивает в бесконечную черноту глубин.

Последнее, что помню, прежде чем мир меркнет – небеса красного цвета, усыпанные звездами. Вспыхивающая тьма, из которой мне в душу смотрят глаза – черный и золотой. И голос.

"Ну же, Адель, подари мне их души. Принеси их в жертву Смерти".

Глава 1

Адель

Полутьма сепарэ скрывала меня от чудной публики Заведения. Я сидела на мягкой бархатной софе, приводя в порядок длинные вьющие волосы – убирала цветы, снимала сережки и колечки, украшающие пряди, когда мне на ноги, урча, прыгнула арасса¹.

– Амори, – мягко улыбнулась дымчатому зверьку, почесывая кроху за вполне кошачьим пушистым ушком. Она от удовольствия потянулась, нырнула под руку бархатной че-

¹ Согласно фольклору Лаграны из региона Верхних Альп Франции, арасса – это животное сероватого цвета с кошачьей головой и телом ящерицы.

шуйчатой спинкой. – Что такое? Прибежала за лаской? – зверек уррукнул, бодаясь головой о ладонь. – Вот ты хитрюга, конечно. И питомцем не хочешь становиться, – игриво пожурела арассу, названную мной Амори, – но как ластиться, то ты всегда готова?

Зверек довольно причмокнул, устраиваясь на моих коленях, а я тихо посмеялась. Что ж, может своевольная арасса и не признавала во мне хозяйки, но я оставалась одной из немногих, к кому кроха шла на руки. Она казалась маленькой и хрупкой, но в ее глазах виднелся огонек дерзости, хитрости и мощной магической силы (за время, проведенное в Межмирье, я поняла, насколько многое открывают глаза, если внимательно в них заглянуть – у одних взгляд тянул в омут, у других открывал просторы вселенной, но чем глубже он был, чем большее в себе заключал, тем оглушительнее бурлила энергия носителя). Убийственная сила взгляда Амори пока не проявилась – детеныш еще, не подросла, – но меня заверили, что и во взрослом возрасте арассы никогда не применяют свою магическую способность без надобности защиты.

Я выглянула украдкой из кабинета в зал, скользнула взглядом к готическим высоким окнам, за которыми клубилась мгла чернично-елочного цвета.

В Нигде не существовало ни дня, ни ночи, но вселенский мрак навис над городом плотной пеленой тумана. Там, за дверьми Заведения, по мощеным улочкам ползли тени, при-

зраки задували свечи в фонарях, и зловещие силуэты таяли и переплетались в танце невидимых нитей. Блуждающие огоньки застрявших в Вакууме душ бесшумно плыли к Великому Древу, что раскинуло свои ветви в центре Нигде и тянулось в бесконечную тьму мироздания, сплетая собой неисчислимое множество затерявшихся в Пустоте островков-городков Межмирья, блуждающих средь Черных вод.

Вглубжающие огоньки застрявших в Бабуине душ
бесшулно пыл в Белшолу Древу, что раскинуло

На улицах города тихо. На улицах – Час Жатвы, когда самые кровожадные твари и монстры выползали из убежищ на охоту. Кто им попадется сегодня? Спустившийся в Нигде божок одного из многочисленных людских пантеонов? Мифическая сущность – что в иерархии помладше, а потому не допущенная до всебожественного чертога Шуанны и живущая здесь, – не успевшая укрыться в родном доме? Затерянная людская душа, случайно оказавшаяся в Вакууме из-за ритуала, игр с магией, или столкновения со сверхъестественным? Так или иначе, Жатва не завершится, пока кровь трижды не окропит землю. До тех пор будет дрожать тишина, и практически никто не покажется на улочках города – ибо даже в Нигде мало существ, способных противостоять призрачным монстрам и кровожадным ужасам.

Продлится ли Жатва два часа или две вечности – все равно. В глубинах Пустоты время текло иначе, смешалось в дни первозданного хаоса в беспорядочном круговороте... К этому привыкаешь. Не сразу, но привыкаешь.

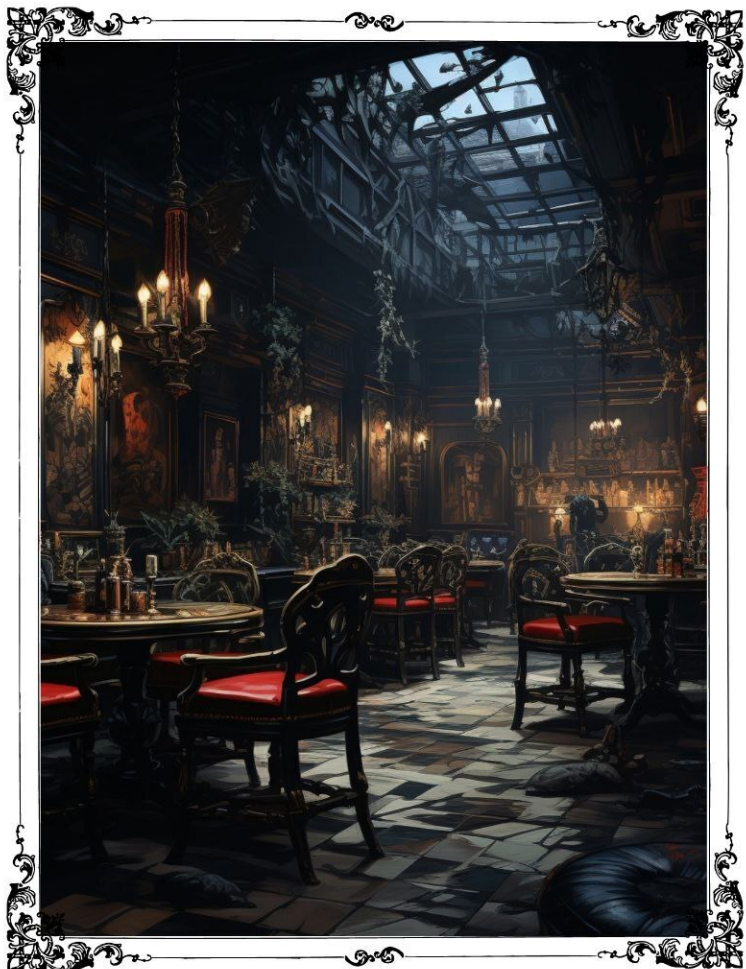
Основной зал Заведения освещало большое количество жирандолей, свисающих на красных, тканых из звездной пыли нитях – огонь свечей практически никогда ни тух, и лишь немногие здешний сущности обладали силой, способной заставить пламя, созданное хозяином, померкнуть. Многочисленные фрески и картины украшали стены из темного дерева, за мозаичными столиками расположилась раз-

ношерстная публика. Искусственный лунный свет лился из магического слухового окна. Вечнозеленые цветы с жилистыми глянцевыми листьями подслушивали разговоры, перешептываясь легким трепыханием.

Путники, искатели запретных знаний и погрязшие в грехах существа собирались здесь в поиске обманчивых надежд. Зловещий соблазн. Гул, хохот, звон бокалов, удары костей об игральные столы; взлетающие карты, подчиняющиеся воле хитрого раздатчика и перепрыгивающие из руки в руку, знали свое предназначение и готовы были исполнить его, испортив радость одному и подарив жизнь другому. Раздатчик – манерный худощавый стригой Ноэ, – игриво улыбался и подтасовывал одинаковые черные карты с металлическим отливом. Они проявлялись в руках получателя и, казалось, магию нельзя обмануть... Но Ноэ умел, и создавал тем перманентно хаос за игральными столами. Именно потому он был одним из главных любимцев хозяина Заведения: стригой разорял нежить и божков, а если те раскрывали обман, то все равно платили своими эмоциями. Неуловимое его очарование притягивало, совершенная элегантность, выражаемая каждым словом и жестом, и изысканное благородство выдавали в нем особу голубых кровей.

У всякой магии есть цена, у всего в Нигде есть цена, но последнее, что имело в Пустоте ценность, были деньги. Игнали на всё: на души, имена, оружие, артефакты, эликсиры, тела и воспоминания; прошлое и будущее, кровь и части те-

ла. Грани между светом и тьмой сливались в смелой игре.

У дсявой маршн естн нсна, у дсего в Ннгде естн
нсна, но послднее, что нлелю в Пустоте нснностн,

Мифические существа ловко перебрасывали причудливые артефакты с древними символами. Вихрем плыли перевернутые миры и загадочные рассказы, все сгущаясь в хаотичной, но прекрасной гармонии. Духи далеких эпох овладевали этим местом, и все дышало здесь магией и завораживающей энергией. Безумной. Беспорядочной. Сумбурной. Истории грешников разливались в забытом мире, отражаясь в тусклых глазах, потерянных глубоко за порогами реальности. Байки познавших прелесть жизни пленили свободой и могуществом. В Заведении свершались искупления и наказания, абсолютные поражения и разрушительные победы. Стирались различия между праведниками и грешникам, рожденными в Межмирье или пришедшими из людского мира; нежитью и людьми, монстрами и архаичными сущностями, появившимися по воле Проведения или созданными человеческим воображением.

Улыбчивые подносильщицы в полупрозрачных шлейфовых платьях любезничали с гостями и разносили напитки – девичьи глаза угадывали множество секретов, спрятанных в сердцах посетителей, и нифмы эти могли раскрыть каждое желание попавшего в Заведение странника, прочитав его и исполнить.

Моя смена практически завершилась – многие часы (или дни?) провела на ногах, любезничая с посетителями и вынуждая их отдаться хаотичной силе Заведения. Но я знала:

мои услуги вновь купили, и не смогу отправиться на покой, пока не выполню желания последнего клиента. Быстрее бы освободиться; поскорее вернуться к себе, рухнуть на кровать и забыться во сне, чтобы после пробуждения вновь бежать в залы – утомление кажется несущественным, когда знаешь, во имя чего работаешь.

Покупайте пищу, лейте напитки, целуйте до иступления, играйте – продавайте всех себя без остатка, отдавайте энергию хозяину места! И будто целая вечность состояла из этой игры в соблазнителя и обреченного. Порой забывалось, что для меня существовало что-то помимо Нигде, что была жизнь до Межмирья. Что была Франция и лавандовые поля, что было солнце и звездные ночи. Существовали превратности погоды, политические игрища королей и баронов, войны и мода. Молитвы уходили в неизвестность, и вера людей проходила вполне земные испытания. Запах соленого моря, крики чаек в предрассветный час... И чувства были. Внутри бурлила человеческая жизнь, страхи и желания.

Многое забылось, оказалось отдано платой за нахождение в Нигде. Но ни на мгновение не мерк в сознании миг, когда вынырнула из Темных вод, и океанская вода пошла у меня ртом и носом; когда осознала, что *утонула взаправду*.

– Адель! – сильный женский голос донесся из зала.

Я, опомнившись, подхватила подол расшитого цветами шелкового платья и выскочила из сепарэ. На носочках пролетела тенью меж посетителями и роковыми дамами. Этот

момент был моим – сцена, весь зал и все эмоции, которые накалились внутри меня, словно предчувствуя надвигающуюся судьбу. Взбежала на сцену, окутанная трепетом и волнением, которые словно вихрем взлетали вверх, смешиваясь с аплодисментами и свистом посетителей. Но в этот миг для меня существовал только один звук, словно ноты лейтмотива моей жизни – шум бурлящего шторма и крики чаек, призраками вспыхивающие в память о прошлом, которого будто уже не существовало.

Музыка укутала, сокрыла в себе слезы и вопли проигравших, смех и довольные восклицания сорвавших крупный выигрыш; а я растворилась на сцене в чувственном грациозном танце, запела – и песнь разлилась, и я сама будто услышала себя со стороны.

Qui sont ces louvoyeurs qui s'éloignent du port?

Говаривали, что у меня голос русалки – чарующий, пьянящий и лишающий легкие воздуха. В прежнее время, когда я пела на праздничных банкетах своего отца маркиза Буланже, то казалось не более, чем комплиментами. В Нигде же я совершенно иначе начала воспринимать подобные слова, ибо видела, как нелюди замирали, прислушивались.

"Твой голос обладает силой, способной пленить и безмятежно погрузить в экстаз слушателей, – смеялся Ноэ в периоды, когда Заведения закрывалось, и мы со стригоем пропускали по бокалу причудливых напитков. – Знаешь, он... Он словно переливается высокими нотами. Звучит искрен-

не, проникновенно, словно рождается в самой глубине твоей души (если, конечно, она у тебя все еще осталась). Никогда не могу тебя спокойно слушать. В каждой ноте отражение твоих эмоций, чаяний и горестей".

Я и сама стала ощущать воздействие своего голоса. Публика наблюдала за редкими моими выступлениями на сцене Заведения смиренно, будто представление по ощущениям равносильно становилось полному катарсису. Я тонула в звуках, в череде воспоминаний, которые рождались песнью, и каждый раз, когда смотрела в зал, видела, что ведьмы и мелкие божки, нежить и потерянные души, мифические твари и фольклорные сущности вместе со мной погружены в созданный мною мир, столь реален он и призрачен в один миг.

Hommagers à la vie, et félons à la mort,
Dont l'étoile est leur bien, le vent leur fantaisie?

Не различала лиц в зале – пред взором моим были совершенно иные глаза; коньячного цвета, томные, пленительные, в которых искрились звезды, в которых горел в один миг огонь безмятежных церковных свечей и адского пламени.

Потерянное время. Потерянная я. В потерянном месте. С такими же потерянными душами.

Была ли когда-то Франция? Был ли корабль? Море? Путь к далеким колониальным берегам? Бунт и шторм?

"Здесь каждый немножко искалечен".

Je vogue en même mer, et craindrais de périr
Si ce n'est que je sais que cette même vie

N'est rien que le fanal qui me guide au mourir².

Казалось, что бесконечно порхала по сцене, и бусы перекатывались на тонких запястьях, и платье поднималось, оголяя икры. Но музыка затихла, свет вновь стал глуше. Яглянула украдкой на кивнувшего мне Ноэ – я отвлекла внимание, партия состоялась, и пара ведьмаков успешно спустилась за игральным столом все, с чем явилась на торги в Нигде, – и уже была готова раскланяться и покинуть сцену... Но привлекло внимание свечение, что лилось из тьмы отдаленного сепарэ. *Заказчик*. Не видела его лица, но чувствовала пронзительный блуждающий по моему телу взгляд. В этот же миг зал заполнился аплодисментами, а в следующую секунду легкая дымка поползла по полу, знаменуя первую пролитую за дверьми Заведения кровь.

Я преклонила голову в знак благодарности и покорности перед зрителями, тряхнула густыми выющимися волосами, и поскорее сбежала со сцены. Почти тогда же ропот прошел по залу, волнение всколыхнуло собравшихся – внезапная тревога, беспокойство, хаотичная буря эмоций, на мгновение дезориентирующая и роняющая сердце вниз, – звон разбивающегося стекла, налетевший из неоткуда порыв холодного ветра.

Хозяин Заведения.

² (франц.) – Кто там, покинув порт, лавирует хитро? Чей ветер – их каприз? Звездой – их добро? И я как все: то ж море, тот же ветер. Я потонуть боялся б и дрожал перед пучиной, когда б не знал, что жизнь – всего маяк, меня ведущий к смерти.

Князь.

Двери распахнулись ветром, и Князь вошел с улицы уверенным шагом, вытирая окровавленную трость серебристым шейным платком. Черные волосы его были коротко стрижены и убраны назад, но одна прядь небрежно падала на высокий лоб. На темно-синего цвета сюртуке расшитые золотыми нитями вавилонские узоры оживали в переливе свечного света. Зал замер, замолк на долю секунды, и мужчина оглядел публику. Глаза Князя, подернутые дымкой и скрывающие весь безграничный мрак и хаос бытия и небытия, видели точно насквозь.

Я тяжело сглотнула, ненамеренно оправила нити корсета и, еще раз бросив взгляд к свечению во тьме отдаленного сепарэ, скрылась за дверьми и нырнула во второй двухсветный зал. Красный свет лился со стороны кабинета-прилавка: многовековые бутылки с алкоголем, зелья на любую нужду, дурманные настойки. Своды, колонны, окна, лестницы, балкончики второго этажа, свисающие фонарики – все заплели растения и корни. За стеклами открывался вид на помещение, куда сходилась люд для утех – сплетения тел, очертания чувственных движений; из тьмы второго этажа лились стоны и приглушенные вдохи – смесь роскоши и порока, запахи разврата и грехов, охмеляющие ароматы цветов. Сделай шаг в эту залу, и даже самых сильных существ и непоколебимых сущностей захлестнет ощущение запретного соблазна. Мороки, которым сложно противиться. Веде-

ния, притянутые самыми темными и сокрытыми сторонами твоего естества.

Полумрак, нечеткость. Все влекло отдаться соблазну – за стеклом менялся фантомными видениями вид. От грубостей до нежных ласк. За мутным стеклом очертания тел находились в постоянном движении, создавая живописную картину страсти и похоти. *И нет места сдержанности и морали, но всегда остается послевкусие, та цена греха, которую придется заплатить после каждого наслаждения.* Силуэты людей сливались воедино, фантомы начинали блуждать руками по телу – я старалась избавиться от видений, быстрее миновать зал.

Неяркий свет, танцующие тени и мелодия, пугающая исключительно своей гипнотической силой... То энергия Хаоса. Именно она разжигала желание и разрушала все рациональное мышление, заманивала в паутину, где реальность и фантазия становились неотделимыми друг от друга. Туман ворвался в мою душу, и я ощутила, как его холодные щупальца поползли по моему телу.

Внезапно под мои ноги вылетела Амори. Она, пища и мягкая, обхватила лапками мою лодыжку и, прицелившись, куснула мелкими острыми клычками. Всего секунда, незначительная боль – но этого хватило, чтобы улетающее сознание ворвалось обратно в тело и я, освободившись из объятий фантомов и перехватив арассу на руки, перебежала зал и выскочила в двери.

Тяжело дыша, оперлась о стену. Прохлада коридора. Тишина.

– Спасибо, – я мягко улыбнулась зверьку. – Знаешь, пусть в Нигде понятия дней не существует, но сейчас я чисто человечески заявляю: на сегодня всё. Время отдыхать.

Коридор поглотил звук моих шагов, и я пробралась в свои покои незаметной тенью – теплое свечение от фонариков, бархат стен, кровать с воздушным искрящимся серебристыми нитями балдахин... Пахло травами, пряностями, морской солью; из приоткрытого окна по подоконнику струился густой туман, растворяясь в воздухе при падении на пол. На столе, на расстрелянной пурпурной шелковой ткани, сохли цветы аконита.

Арасса прыгнула с моих рук и, быстро шлепая лапками по дубовому полу, добежала до кровати. Зацепилась за покрывало, взобралась ловко, также стремительно сворачиваясь в клубок. Чешуйки на ее спинке перекатились перламутром, и зверёк точно окаменел, погружаясь в сон. Только медленно покачивающееся от размеренного дыхания тельце напоминало о том, что на постели моей не скульптура, а живое существо.

Я выдохнула, развязывая тугой пояс, и на секунду закрыла глаза, ощущая окружающий мир остро и четко: запахи, легкое колыхание воздуха, далекий шум; на миг даже различила звук шуршащего прибоя, пробивающийся из прошлого сумрачными воспоминаниями. Пожалуй, я бы даже могла по-

любить Нигде без остатка, полюбить также, как любила свою прежнюю жизнь. Я понимала, единственное, что сейчас отделяло меня от безграничной свободы (настолько всеобъемлющей, что лишь Межмирье мне могло ее даровать в таком объеме) – собственное желание мести. Именно оно обязывало служить Князю, хитрить и юлить на ярмарках, выманивая необходимые для зелья ингредиенты; играть по правилам сильных мира сего, позволяя управлять собой, как марионеткой. Ибо знала – по истечению условленного срока, я получу награду, оборву нитки жизнью и обращаю во мрак тех, кто лишил меня всего.

"Две вечности пройдет, Адель; сменится россыпь призрачных огоньков на Древе в центре Нигде. Сотня жатв останется позади, и я наполню твою золотую чашу моей кровью, и ты испьешь свое аконитовое зелье и рискнешь бессмертием души ради возможности вернуться в людской мир и обогатить кровью воды бурного океана".

Я повторяла обет Князя, как мантру, молитву, манифест, как выжженное парками на полотне моей жизни предзнаменование... У меня все было готово для темного, древнего зелья, и оставалось лишь получить дарованную первозданной сущностью силу – каплю, крупицу, – данную по собственной воле, данную с искренним желанием.

Добрела до кровати, невесомо касаясь пальцами обивки софы, да резных колонн, поддерживающих высокий потолок, теряющийся во мраке. Когда поднимала глаза, вновь ви-

дела бесконечную морскую бездну, засасывающую, захватывающую в свои холодные объятия... И вспоминала Циару, сирену, что увидела мое бездыханно тело и забрала сквозь тонкую ткань мироздания, утянула на самое дно, настолько глубоко, что низ стал верхом, и бездна разорвалась поверхностью Черных вод иного мира.

Хвост Циары обратился на суше в вуалевое черное платье. Чешуя покрыла предплечья воздушным кружевом. Сирена привела меня в Заведение Князя, где он растворил мою боль в дымных напитках, иссушил слезы безумным круговоротом жизни, влил мне в уста забвение и принятие... И на какую-то долю вечности погрузил мой разум в переплетенную сеть вселенской бескрайности, где я познала мир обратной стороны. Маленькой точкой среди мириад звезд наблюдала за битвами богов и появлением чудищ; за сотворением монстров и сущностей, рожденных людским разумом. Короткий миг, когда легкие мои наполнила пустота и архаичный мрак, и в этой вспышке жизнь собственная почудилась песчинкой, оказавшейся среди неисчислимого множества подобных ей в вихре титанических бурь. И из помутнения, где пьяным становился разум, и время сменялось запахом кожи переплетенных в полумраке Заведении тел, меня вырвал собственный голос. Песня, полная тоски и боли; история о бороздившем моря корабле с драконьим сердцем, где бежали от мира и пытались отыскать счастье двое влюбленных. Об отважном корсаре, о леди, ускользнувшей к нему

из-под венца. Об оставленной Франции и черном небе, обнимающем океан... Вокруг меня в исступленном наслаждении вилась похоть, а я, точно окаменев, пела, и слезы текли по щекам, и в груди горело единственное желание: не обратить все вспять, нет; но покарать тех, кто лишил меня человеческой слепоты к мифической стороне, кто наполнил легкие мои океанской водой, кто оборвал жизнь моему капитану.

В Нигде я стала тенью – ни человек, ни сущность; не одарена магией, не способна подчинять себе мистические артефакты. Пустышка для пустоты. Тень. Я часто спускалась к Черным водам, теряющимся в тумане, садилась на берегу и, кладя голову на колени, пела. Слова появлялись сами собой, вырывались из груди раскаянием и исповедью, тоской и бессилием; и, казалось, даже волны переставали накатываться на гальку. Черные воды замирали, прислушивались, и блуждающие огоньки ложились на их поверхность отражением звездной россыпи человеческого неба, что таилось на дне пустоты, раскинувшейся вокруг Нигде. Циара не была единственной, кто поднимался слушать песни; но единственная вышла ко мне на берег и села рядом. В зеленых глазах ее мелькнуло понимание: словно в моей истории она видела фантом собственных воспоминаний.

А я тихо пела, да только всепоглощающая тишина делала голос глубже, проникновеннее, и летел он словно во все стороны, скользил по водной глади, проносился меж домами извилистых улочек города.

– Пленительным голосом обладаешь, потопленница. Нечеловеческим, – помню, сказала мне тогда Циара. – Услышишь раз – вовек не забудешь.

– Если бы мог он унять мою боль, – ответила ей, не скрывая печали, которую даже Князь не пытался заглушить... И Циара не стала пытаться, но предложила взрастить в ней возмездие и рассказала об Аконитовом зелье.

Опасное снадобье, способное перекроить суть испившего его: из энергии первозданного существа парки могли вплести новые нити в твою судьбу, и ты мог очнуться мифической тварью потустороннего для людей мира, получить силы, способности, чуждые для человека. Случай и задатки обращали тебя в подходящую сущность, но... Но если внутри задатков не было, аль если зелье было приготовлено неверно, испивший исчезал. Растворялся, сливался с бесконечностью. Душа не умирала, душа исчезала – и короткий миг испарения для человека чудился вечной агонией.

Боялась ли я? Да. Боялась. Но слишком желала призрачной силы, слишком верила в собственный *голос*. Я боялась, что зелье меня погубит. Но еще больше страшилась того, что страх окажется могущественнее меня, а того точно допустить не могла.

Может моя людская жизнь стала далекой и туманной, но я точно знала: никогда не была из робких. Никогда не была трусливой. И среди океанских бурь и штормов, среди корсарской удали и абордажных залпов ни разу не опускала глаз;

а оказавшись в Нигде испытала, насколько вкусно съедать собственный страх.

Продолжала лежать на кровати, глядя на теряющийся во тьме потолок.

За что же мне хотелось отомстить сильнее? За отобранную у меня свободу? Или за мужчину с глазами коньячного цвета?

Я боялась, что зелье меня погубит. Но еще больше
страшилась того, что страх окажется

Аделина Буланже

Берег Средиземного моря. Начало лето. Оставленный Марсель и переезд в пригород. Все вокруг пропитано ароматом соленого воздуха и сладким запахом цветущих цитрусовых деревьев. Мне всегда казалось, что отдых в усадьбе, увитой зеленью старых оливковых рощ и виноградников, лишен всяких неожиданностей; но в этот раз, приехав в сей тихий уголок, я вижу причаливший в пристани темный корабль под черными парусами.

Никогда не забуду тревоги матери и явного недовольства отца. А еще больше – своей реакции. Ранний рассвет, розовым застилает горизонт; поднимающееся солнце растрескивает поверхность морской глади на тысячи сверкающих расплавленным золотом осколков. Величественный и угрожающий одновременно корабль, словно существо из грез или кошмаров. Волнение внутри – ни то тревога, ни то невообразимое влечение, – и быстро колотящееся сердце, разгоняющее жар под ребрами.

Вот она – детская мечта наяву. Такая близкая, такая невообразимо далекая; сколько неизведанных берегов повидал тот корабль? Как много еще увидит, когда пересечет горизонт?

Родители стараются удержать, следят за моими переме-

щениями, буквально контролируют каждый шаг, но мне раз за разом удастся сбежать – от приставленных дам, охранников, и вездесущего камердинера, – ибо большее внимание, чем я сама, приковывает лишь моя предстоящая осенью свадьба. Подумать только! Оденется в золото природа, а на меня наденут кандалы. Свершится соглашение, заключенное моими родителями с моим будущим супругом лет десять назад; и хвала Господу, что я не видела еще избранника вживую, ибо отчаяние стало бы еще горче. Хватило пары его портретов и знания: этому благородному представителю дворянства шпаги в этом году минуло сорок семь. Пожалуй, меня даже не так пугала разница тридцати лет в возрасте, но от слухов, ходящих о грубом, злопамятном и жестоком герцоге, мороз шел по коже, и паника сдавливала грудь.

И потому, наверное, даже черные паруса меня так манят. Они обещают свободу, бескрайнее море, новые берега и чужие земли. Жизнь, далекую от предрассудков. Жизнь, сильно отличающуюся от того, что мне рисует предначертанное родительским титулом и их стремлением его сохранить.

Я сбегаю по утрам, когда дом еще спит; одеваюсь без камеристки, сама шнурую корсет. Зачастую даже не надеваю мюли – выскакиваю на рассветную росу босиком, придерживая подол платья и обувь одной рукой, а шляпку другой. Бегу в старый заброшенный парк, где полуразрушенные античные колонны оплетены виноградной лианой, и смотрю оттуда на чарующий корабль. Я ощущаю свободу, забываю о

своих обязанностях, о том, что придет вместе с осенью. Они принадлежат лишь мне, эти минуты рассвета, когда солнце только всходит над горизонтом, и море искрится в первых лучах приходящего дня, и от легких прохладных порывов ветра невесомо поднимаются флаги, словно подмигивая. Два черепа. Человеческий и драконий.

Ох, если бы было можно навсегда остаться в этих мгновениях, в тишине парка, где слышны только пение птиц, шепот ветра и шорох прибоя. И, кажется, что все дни стираются и забываются, и остаются лишь часы рассвета и редких ночей, когда вновь удастся вырваться из клетки усадьбы, лап высокопоставленных гостей, званых обедов, придворных слуг и нескончаемой подготовки к "основному событию моей жизни".

Проходят три долгие недели, и мое лето пахнет морской солью и лавандой. Мы прогуливаемся под руку по городскому парку, подобному зеленому лабиринту, обсуждая последние новости двора; однако, безусловно, диалог наш перетекает неспешно к темному кораблю в порту.

– Может, корабль конфискован? – вопрошает Валери, пожимая плечами. – Да и не видела я ни одного "моряка", – девушка многозначительно проговаривает последнее слово сквозь зубы. – Может и правда корабль просто ожидает дальнейшей официальной судьбы. Не могут же пираты так спокойно швартоваться настолько близко к Марселю; их бы давно направили в подходящие места.

– О, многоуважаемая дама, – из-за стены кустарника (словно накликали!) выныривает поджарый мужчина, пугая нас до ужаса; мы с Валери сжимаем до боли друг другу руки, делаем несколько шагов назад, – вы даже представить себе не можете, как многое возможно за должную оплату!

Он одет в потертую льняную рубашку, которая больше походит на тряпку, покрытую пылью и грязью. Под поясом у него натянуты кожаные штаны, а на ногах сидят сапоги, некогда черные, но от солнца и соли потерявшие свой цвет.

Слышу, как у Валери начинают стучать зубы. Сама же выпрямляюсь сильнее, набирая в грудь больше воздуха, кажущегося в ту секунду раскаленным.

– Негоже пугать дам таким внезапным появлением, – стараюсь произнести это непринужденно, с игривым укором, в эту же секунду утягивая Валери за собой в сторону.

– А разве гоже караулить по утрам чужие корабли? – скалится незнакомец, и я чувствую, как перехватывает дыхание.

– Ну же, Мерти, прекрати; где твои манеры? – раздается за спиной; не успеваю обернуться, а второй мужчина лет тридцати уже перегораживает первому дорогу, круто оборачиваясь к нам с Валери лицом. – Прошу прощения за своего старпома, леди. Он не хотел вас пугать, – говорящий переводит взгляд на меня.

Глаза его цвета коньяка. Глубокие. Томные. И в них такой контраст эмоций, что теряешься. Горящие изнутри – *словно адское пламя, словно недвижные церковные свечи*. Белая

рубашка расстегнута до груди, и привлекательно оттеняет смуглую кожу. Широкий расшитый пояс, туго затянутый на талии, словно делает покатые плечи более выразительными. Объемные брюки, заправленные в начищенные сапоги, словно только вышли из-под руки портного...

Даже не верится, что мужчины могут быть знакомы – настолько разительны они в восприятии.

– Мы принимаем извинения, – киваю сдержанно. – Что ж; прекрасного вам дня! – и тяну Валери прочь, к выходу из зеленого лабиринта, где будет толпа.

– Благодарим от всего сердца! – раздается мне в ответ от темноглазого мужчины. – И, к слову, леди; если какая-нибудь морская кры.. Кхм. Я хотел сказать, какой-нибудь джентльмен с корабля еще ненароком вас напугает, просто скажите ему, что отвечать за сие действие придется перед Гектором де ла Серной.

Что-то непостижимое задерживает меня на месте; и хоть уже Валери пытается увести меня дальше, я останавливаюсь и оборачиваюсь.

– "Гектор де ла Серна"? И почему это имя должно кого-то остановить?

– Потому что никто не захочет отвечать перед капитаном, – ворчит в ответ мужчина, которого Гектор представил своим старпомом Мерти, а у меня отчего-то сердце трепещет в груди раненной птицей в клетке.

Голос Валери тонет, не замечая и уходящего Мерти.

Смотрю на Гектора, что продолжает несколько вальяжно стоять, заложив руки за спину и улыбаясь уголками губ. Темные волосы его падают на плечи; передние пряди аккуратно заколоты на затылке, и потому вижу массивную серьгу в мужском левом ухе, и еще несколько более мелких обручей.

– Вы... Пересекали экватор или же посещали мыс Горн? – спрашиваю несмело. В глазах капитана загорается любопытство.

– С чего такой вопрос, леди?

– Насколько мне известно, подобные подвески в ушах... – запинаясь на мгновение, боясь произнести слово "пираты", – представителей вашей профессии, это символы дальних странствий и сложных путешествий. Говорят, серьги дарят, когда впервые *моряки* пересекают экватор или же достигают мыса Горн.

Мужчина заливается искренним смехом.

– Все верно, леди. Открою вам тайну: я делал обе эти вещи неоднократно. Завершившиеся войны за испанское наследство заставили бороздить морские просторы бескрайнее число раз, можно было бы создать новую карту мира, – улыбка его обезоруживает, голос бархатист...

И я не могу не улыбнуться ему в ответ.

Князь

Воздух вибрировал от пропитавших его эмоций, и в пе-

лене тьмы и беспорядка заблудшие души находили новый вид свободы, где вселенский мрак стал их спутником, наполняющим их жизнь чувствами, которые лишь в темноте могли приобрести свой истинный смысл. Шум, гвалт, сумятица, ругань, внутренние конфликты и ломающиеся оковы собственных ограничений... Спустя тысячи лет жизни осознаешь, что наиболее сладок хаос не тот, где ты являешься основным действующим лицом, а который наблюдаешь со стороны. Привлекательность и красота. Беспорядок может быть восхитительным и приятно волнующим, когда ты просто катаешься на его волнах, наблюдая и чувствуя, как мир вокруг тебя разваливается и перестраивается. Это самый честный способ понять непредсказуемую природу жизни, и самый лакомый вид свободы.

Увенчанное обломками искусств Заведение. Потеряшки и искатели наживы. Прожигатели жизни и жаждущие испытать ее сполна. И все сливалось в непредсказуемый танец, где элементы смешивались вместе. Счастье, страсть, боль и разочарования. Ибо лишь в гармонии хаотичности открывается, насколько жизнь остается уникальной и интересной.

Мягкое свечение лилось из отдаленного кабинета, отделенного от зала плотным черным бархатом. Я не смог сдержаться легкой полуулыбки. Какая ирония, искатель покоя и гармонии становился завсегдатым посетителем обители Хаоса! И как много сумятицы приносили его сути эти походы, как соблазн рушил его нынешнюю форму – я ощущал в воз-

духе горьковатый вкус сомнений и попыток держать огненный норов в узде; что ж, еще немного, и зверь освободится, неся за собой разрушение, беспорядок. Признать, я с превеликой радостью взглянул бы, как вырвавшийся из оболочки дракон разнесет половину города. Столько силы в том будет, столько первозданной анархичной энергии.

Подошел к кабинету, небрежным движением трости распахнул бархат, входя в сепарэ.

– Ияр, – протянул я, и глухое эхо отозвалось в темных уголках, – и вновь ты мой гость. Рад видеть, – склонил голову в знак приветствия и присел на диванчик напротив мужчины.

Визуально молод – не увидеть в нем древней сущности, умудренной опытом. Жемчужного цвета волосы, белая простая рубаха. На груди виднелось золотое украшение, составленное из незамысловатых пластин. Глаза отливают серебром. Вполне не примечателен для жителя Нигде; но если быть чуть внимательнее, присмотреться к шее и запястьям, то можно различить переливающиеся чешуйки, сокрытые под человеческой кожей... А такие сущности для жителей даже нашего чудного города диковинны.

Если, конечно, это не старый знакомый, решивший зачистить с визитами.

– Я уж сбился со счета, сколько раз за последнее время ты успел посетить Заведение. Неужто решил сменить бескрайние заснеженные просторы собственного дома и переселить-

ся в туманный Нигде? Или все никак не можешь наслушаться чудесных песен моей очаровательной работницы?

– Не слышу в твоём голосе радушия, Хаос, – Ияр усмехнулся в ответ.

– А я и не собирался играть гостеприимного хозяина. Твой свет распугивает грешников и безумцев, а для меня это наиболее ценный товар. Одни хотят испробовать все, другим нечего терять; а из-за твоей целомудренной ауры контингент становится слишком правильным.

– Мне казалось, я достаточно плачу за посещение твоего Заведения.

– Более чем. Однако меньше, чем мне могла бы принести толпа чертей, суккубов или ожидающих отправление в чистилище людей, – пожал плечами, не переставая, однако, улыбаться. – Так что, Ияр, рекомендую тебе с большей охотой включаться в предлагаемые в Заведении активности, иначе наступит час, когда на моих дверях появится табличка "огнедышащим тварям вход запрещен". И приписку сделаю: "даже если они находятся в человеческом обличье".

– Дай мне Мардук покоя, – проговорил Ияр шепотом, качая головой, а затем громче добавил. – Ты так язвителен сегодня, Князь. Неужто опять перенял чью-то манеру из-за частого общения?

– А ты чрезмерно напряжен, – ответил мужчине, склоняя голову набок и вновь возвращая диалог в прежнюю тему; я понял, на кого намекал дракон, но акцентировать на том

внимания не стал. – И мысли твои растленны. Но ты не даешь им волю и портишь атмосферу Заведения.

Ияр недолго молчал, крутя в руке стакан с дымной фиолетовой жидкостью, что переливалась серебром в хрустале.

– Я много раз просил тебя. Отдай мне Адель, и я больше не потревожу твое царство беспорядка.

– "Отдать"? Она не вещь, не моя собственность, и не моя рабыня. Мы заключили с девушкой сделку, и пока она соблюдает свои обязанности, и соблюдая свои, – голос мой словно стал ниже, тише.

Адель работала в Заведении, радовала глаза и уши посетителей. По собственному желанию девушка могла исполнить разного рода просьбы, и получать за эту личную оплату, не идущую в счет моей прибыли. Я не был против. Адель и так хорошо помогала выкачивать нужную мне энергию из гостей. Я в свою очередь даровал ей защиту в Нигде, дал кров и пищу, платил за ее услуги и, как и для прочих работников, создал защиту от попыток испить ее жизнь и душу посредством имени – девушка вполне могла называть его и откликаться без страха. Безусловно, моя защита не могла уберечь ее от тех, чья магия рушила щелчком такие незатейливые чары, но сильным созданиям обычно не было дела до подобной легкой добычи.

Адель... Да, притягательная людская девушка. Утопленница, которой повезло – ее привела ко мне в Заведение сирена Циара, помнящая еще собственную человеческую жизнь

и не сумевшая сдержать сочувствия; а быть может ощутившая в Адель зачатки энергии Межмирья. Разницы в том никакой, в общем-то, для меня не было. В девушке кипело желание мести, раскраивала сердце боль; а вместе с непоколебимой тягой к свободе, необузданной смелостью и отчаянным упорством рождалась хаотичная стихийная сила. Наше сотрудничество – взаимное паразитирование, единственно искренний и самый целесообразный тип отношений.

Ияр увидел Адель в центре Нигде, когда девушка ходила вместе с Ноэ на ярмарку покупать для Заведения шелка и напитки, и возжелал обладать ею. Он наивно полагал, что ему будет достаточно просто появиться в ее жизни, предложить успокоение тревог. Его чаяния не были лишены здравого смысла – Ияр красив, да и природного драконьего магнетизма у него не отнять, дамы всегда слабели перед его обаянием, готовые отдаться ему на одну ночь, – однако Адель не просто сопротивлялась его чарам. Они на нее не действовали. В привычном для Ияра, конечно, смысле. Околдовывать Адель он не хотел, магическое воздействие посчитал бы собственным проигрышем, и проще всего для дракона стало найти причину отказа девушки в ее работе в Заведении. Словно то было следствием влияния моей энергии на ее мысли, и она неосознанно принимала решения, не осознавая их последствий. Избегала его ухаживаний из-за меня, а не потому что Ияр не стал ей интересен.

– Ты травмишь ее хаосом, но я чувствую в ней свет, – ска-

зал мужчина неспешно то, что я вполне ожидал услышать. – Я мог бы подарить ей забвение прошлого и покой; раз уж Адель оказалась в Межмирье, пусть бесконечность проведет без дурных воспоминаний, без отравляющих мыслей. Я могу подарить ей иную участь. И другую сторону Пустоты. Отличающуюся от Нигде.

– Мой любезный Ияр, ты все помышляешь, что можешь судить о "добром" и "злом"; но это иллюзия. Ни твоя уверенность, нет. Само деление на плохое и хорошее, на правильное и ложное.

– Месть ничего не переменит.

– Да. Ничего не переменит, – пожал я плечами. – Но определенное удовлетворение принесет.

– Разве что отравит разум.

– Для тебя желание мести чудовищно, но для нее спасительно. Ты уверен, что ей нужен твой свет, но она раз за разом его отрекает и предпочитает ждать от меня частичку хаотичной энергии – ибо она подарит ей желаемое. Да и с каких пор ты сам стал праведником? – усмехнулся, и по сепарэ прокатился холодный ветер, родившийся из ниоткуда и канувший в никуда. – Или мне напомнить тебе, старый друг, о временах, когда ты носил иное имя? Когда звался Асагом³ и нес мор, пламя и разрушения? Когда сжигал города дотла, и ты-

³ В древней Месопотамии, в подземной стране Кур, обитало страшное чудовище – крылатый дракон Асаг. Часто выходил он из преисподней и вихрем носился по земле, распространяя недуги и немощи, отравляя воздух своим тлетворным дыханием.

сочи людей сгорали заживо в твоём огне? – Ияр сжал губы в тонкую полоску, и на щеках его заходили желваки. Я посмеялся в бороду, опираясь о трость. – Чего ты ищешь в Адель? Не искупления же собственных злодеяний? И вряд ли она напомнила тебе кого-то из ушедшего прошлого. Неужто действительно тебя так манит её свет? Или девичий отказ раззадорил твой интерес? – я чуть наклонился вперед, почти хищно глядя на Ияра и проговорив последнюю фразу тихо, хрипло, чеканя каждое слово. – Или чарующий голос её коснулся твоего давно угасшего чёрного сердца?

– Ты не изменяешь своей философии, Хаос, и во всем видишь фальшь, – сдержанно ответил мужчина. – А мне впервые за тысячу лет *показалось*, что я полюбил.

И я не сдержал смеха. Мой хохот откликнулся эхом по всему Заведению, задрожали свечи, на короткий миг утих шум, чтобы в следующую секунду усилиться.

– Мы не можем любить, Ияр. Это не в нашей природе.

– Ты просто не знаешь, каково это.

– И хвала каждому богу, Первозданной материи и самой Безликой! Очень надеюсь, что так и останется до конца сущего.

– Ты надеялся и до конца сущего проходить неназванным, – вдруг желчно заметил Ияр. Улыбка спала с моего лица, я сощурился, глядя на своего собеседника. – Ходят слухи, что тебя прокляла колдунья, Всадница Смерти. Что нарекла тебя именем, и что теперь ты пытаешься обратить её

магию вспять. Наслышан о твоих попытках снять заклятие Всадницы, – Ияр уколол в ответ, и в газах его блеснул привычный плотоядный огонь. Я стиснул зубы, – о жертвах, что приносишь в бесчисленном количестве, лишь бы избавиться от имени. Скажи, Хаос, неужели за тысячу лет не устал от обезличенных обращений? Разве не ощутил себя более живым? Как она тебя нарекла? Корвусом?

Вихрь ветра пронесся по Заведению.

– Ты напряжен, дружище, и позволяешь себе непозволительную дерзость, – ответил дракону предостерегающе тихо. – Не переживай, я помогу тебе избавиться от тяжести, – и хлестко щелкнул пальцами. Воздушный поток сформировался в фантом, быстро принимающий форму. Вот уже прозрачные ткани застелились по точеным изгибам фигуры, морок провел тонкими длинными пальцами по бедрам, подтянутому животу, аккуратной груди; и окончательно преобразился в Адель, что томно смотрела на Ияра. Она потянулась к мужчине, но, рассмеявшись, тряхнула волосами и села на мои колени, принимаясь ластиться, как кошка, и легкая вуаль на ее плечах совершенно бесстыдно открывала взгляд юную красоту девушки. Я провел пальцами по ложбинке меж ее грудей и выше, к шее. Сжал ладонь под ее челюстью, скользнул большим пальцем по пухлым податливым губам; бросил взгляд на бледного замершего Ияра. Аура дракона стала чуть холоднее, темнее. Фантомная Адель тем временем перехватила мой палец губами и, прикрыв глаза, принялась

посасывать его, скользя влажным языком по фаланге и тихо постанывая.

– Прекрати, – твердо проговорил Ияр, однако оставаясь на месте.

– Зачем? Разве это не выглядит чарующе? – и я, шлепнув девушку по бедру, подтолкнул ее к дракону. – Но еще слаще забываться в этих грезах. Они сладки и горячи, Ияр, и знают твои желания лучше тебя самого.

– Это не более, чем иллюзия. Твоя иллюзия, опороченная и извращенная, создания лишь для того, чтобы вызывать сумбур в голове и на сердце.

– Так насладись этим хаосом, – сказал я, поднимаясь, пока Ияр пытался перехватить развязывающие пояс брюк руки опустившегося пред ним на колени фантома. Увы, призрачная Адель могла стать физически им ощутимой лишь в том случае, если он принимал и вступал в ее развратную игру. – Позволь ей подарить тебя сладкую ночь. За счет Заведения, – и также круто развернулся, покидая сепарэ.

– Князь! – услышал я за своей спиной хриловатый оклик Ияра. Обернулся, видя, как ладони Адель скользнули под рубашку дракона, а губы оставляли влажную дорожку поцелуев на животе. – Убери свои мороки.

– Ты ведь сам того не хочешь, – искривил я губы в усмешке. Светлое свечение от мужчины густело тьмой, и плечи фантома стали физически ощутимы под сжимающими их ладонями древней сущности. – Позволь яду Венеры отравить

твой разум без остатка.

Я вышел из сепарэ, и в тот же миг улыбка сошла с моего лица.

Тысячелетия прошли, а Ияр не изменял себе – все так же самодоволен, все продолжает играть драматические роли, – и тщетно пытался подчинить первозданную энергию разрушения; тратит ее понапрасну, сдерживая в оковах неподходящей ему плоти. А боле прочего противила его попытка уколоть меня; играть с огнем опасно, он может разгореться, и глупо, что дракон забывает эту простую истину.

В череде забытых воспоминаний скользнула Месопотамия, горящие города, охваченные кусающим небеса пламенем, и сладкий вкус людской паники на моих губах. Славные времена были; да и я был еще юн и горяч, полный ярости и стремления к бесцельным разрушениям... Но длительное пребывание в людском мире отравило вполне человеческими болезнями – тоска, усталость, ощущение времени, которое для людей существовало; нахождение в их клетке опротивело, божественный чертог не прельщал никогда, и лишь в Пустоте я нашел себе места, лишь в Нигде смог остаться.

Посетители Заведения покорно расступались, пропуская меня вперед, а я и не замечал многообразия публики вокруг; лишь в один миг замер, оглянувшись нахмурившись – показалось буквально на секунду, что среди нежити и монстров мелькнул женский силуэт в алом плаще.

Незнакомка точно обернулась. Я не успел различить ее

лица, но ярко сверкнула подвеска на ее шее; но тут же прошедший мимо кинокефал смахнул морок, и на месте, где только что красное пятно горело на фоне мрака Заведения, не осталось ничего, лишь стол, за которым пара ведьм играла на три последних вдоха.

Я тряхнул головой и, прокрутив трость, стремительно направился к себе. В груди загорелось. *Видения*. Даже в нашем мире ничего хорошего они не сулили. Особенно, когда являлись первозданным сущностям. *Тем более*, когда являлись первозданным сущностям.

– Князь! – Ноэ появился по правую руку внезапно и почтительно склонил голову. – Двенадцать земных ведьм, рожденных шестого числа каждого людского месяца, собраны.

– Уже? Прекрасно, – глянул на стригоя, что заложил руки за спину и важно вышагивал рядом; в лице его, которое он старался сохранить серьезным и невозмутимым, скользила юношеская радость. Я остановился, кладя ладонь на его плечо. – Ты быстро справился, хвалю.

– Покорнейшей благодарю, Князь! Почитаю за честь служить вам, – вновь поклон. – Прикажете подготовить к ритуалу?

– Как только завершится жатва, – ответил оглядываясь. Зацепился взглядом за сепарэ, где должен находиться Ияр. *Да, было бы отлично, если бы истинная сущность дракона вырвалась и разгромила город; столько хаоса, столько энергии, которой можно насытиться, которую можно перена-*

править в необходимое мне русло. – Хотя, повремени. Держи под присмотром, не давай повода бояться, мне нужно, чтобы их страх был свежим, острым, оглушающим... Одари очарованием, увлекуи в соблазны; пускай остаются в Заведении и набираются сил, пускай забудутся здесь, пока мне не потребуются.

– Будет сделано в лучшем виде.

И после слов Ноэ я щёлкнул пальцами и, обратившись в воздушный вихрь, растворился в воздухе на сотую долю мига и тут же материализовался в покоях своего поместья. Тьма, ползущая по полу, пугливо расступилась, призраки растаяли.

– Приведите мне Циару. Сию секунду, – хрипло отчеканил в пустоту, скидывая на пол камзол.

Неспешно дошел до козетки, вальяжно развалился на ней, закидывая ногу на ногу, а руки – на спинку. Ощущал, как желваки перекатываются на щеках. Прикрыл глаза, прислушиваясь к себе, и внутренняя сущность ответила бесконечностью, рождением и смертью миров, кричащей тишиной и беззвучным коллапсом, взрывами звезд и первым стуком сердца... А затем ощутил, как женские ладони со спины легли на плечи, пальцы скользнули по груди, задевая многочисленные цепи на жилете. Не двинулся, когда горячее дыхание коснулось шеи за ухом, а теплые губы, задевая мочку уха, прошептали:

– Неужто сменил гнев на милость, сладкий?

– Осторожнее, Циара, – ответил холодно, продолжая недвижно сидеть с закрытыми глазами. – Мне не доставит труда сменить пешку.

Слышал, как сирена усмехнулась; как зашуршало платье, когда девушка обошла козетку и опустилась в подготовленное кресло напротив.

– И я скучала, Княже. Зачем позвал?

– Девчонка. Адель. Которую ты притащила в Заведение. Скажи ей, что я готов внести изменение в наш с ней договор; ей не нужно будет выполнять прежние условия, я дарую ей кровь за то, что она сможет вынудить Ияра скинуть оболочку. Если сможет вывести его на эмоцию, что освободит зверя, – я открыл глаза, упираясь взглядом в лицо Циары. – Время ей, пока песочные часы Ноэ не обронят последнюю песчинку.

– Почему ты не предложил это Адель сам? К чему посредник? – девушка чуть склонила голову на бок, обнажая белоснежную шею, на которой красовалась кружевная бархотка.

– Считаешь, что смеешь задавать мне вопросы?

– Каким мы стали злокой, – сирена театрально надула губы. – Неужели до сих пор злишься из-за такой мелочи? Неужели готов забыть все те сладкие моменты, что мы провели вместе, из-за презабавной шутки? – я вскинул бровь, молча глядя на Циару. – Признай, Князь, это ведь был самый приятный просчет в твоей жизни. К тому же, ты ведь не злишься на Всадницу; а это было ее заклят...

– Молчи.

Всего мгновения хватит, чтобы вспомнить миг наречения. Покои. Нахождение на грани меж миром сущего и призрачного. Разгоряченное тело Циары – мое, принадлежащее лишь мне; покорное, податливое, – рваные движения, иступленные поцелуи. Прекрасная игра, которая нравится нам обоим... Ожерелье, похожее ни то на ошейник, ни то на цепь. "Князь, позволь надеть на твою шею? Хочу оседлать тебя и заставить задыхаться от моей близости". А игры занимательны, когда могут удивлять. Игры забавны, когда сильный игрок изображает покорность. И Циара надевает ошейник мне на шею. Щелчок замка, натянутая цепь. Быстрее, глубже; ее губы на моей шее... А затем – острая, всепоглощающая боль. Перед глазами мелькает вселенная, объятая огнем, и вспыхивающая золотом тьма черных глаз; внезапно пропадает воздух в легких, и чувствую, как от ошейника по телу змеится сильный яд, прожигающий кости, отравляющий энергию. Пытаюсь вырваться, пытаюсь заглушить, подчинить, разрушить – но смертельный могильный холод точно в камень обращает, и я слышу, как стонами из Циары рвутся слова: "Исполняя волю... Всадницы Смерти... Нарекаю... Тебя отныне и до скончания времен... Пока Страшный суд... Не обратит слова в прах... Корвусом...". Дрожащее тело сирены изгибается, она сжимает до боли мои плечи.

"Корвус".

Скривился, в который раз ругая себя за глупость – Всад-

ница отравила ошейник своими чарами, и я по собственной глупости надел его на шею и позволил яду распространиться по своим жилам. Это не проклятие, не магический обед, не чары. Она словно перекроила меня изнутри. Нашла момент, когда я не буду ожидать подвоха и стану уязвим. Надела на меня наречение руками той, которой не опасался; впрочем, опрометчиво было и Циаре доверять. Она играла от скуки. Потеряв человеческую жизнь и очнувшись сиреной в Черных водах, ощутила силу. Возжелала большего. Забылась ею французская Фронда, исчезло из памяти прежнее имя. Лишь кулон в форме сердца, дарованный теткой-ведьмой, напоминал Циаре о прошлом... Поначалу сирена была во власти гнева и мести – частые эмоции людей, потерявших жизнь и ставших частью Межмирья, – но затем, упоенная новыми возможностями, Циара осознала, что нашла приют среди могущественных морских созданий, которые обитали в этих мрачных водах. *Потопленница, обвиненная в ведьмовстве и сброшенная в бурные воды собственным суженым – может потому она так прониклась Адель, чьи легкие поглотил океан?* За смятением пришло принятие, и нареченная Циара влилась в сумбурный Вакуум, наполненный такими же потерянными, искателями, дельцами, одиночками, отверженными и находящими. Она жадно училась. У травниц и ведьм, у шаманов и фокусников. Судьба привела Циару к стенам Заведения. Желание познать свою тьму заставляло ее остаться подле меня, вспыхнувшая страсть дурма-

нила рассудок; но раз за разом она сбегала, отправлялась в плавание по непроглядно-черным глубинам, чтобы разыскать древнюю магию, способную исполнить ее желание. Сирена становилась все сильнее и увереннее, все независимей и хитрее. Я не мог злиться на нее за стремление играть теми, кто рядом, ибо, к чему лукавить, я сам в ней то и воспитал.

Я всегда был таким. Испытывающим удовольствие от своей силы и контроля над окружающими. Доводил прочих до крайности, играя с эмоциями и жадно наслаждаясь каждым манипулируемым движением. Ибо мир скушен. Статичен. Понятен и прост до пошлости и тошноты. А когда к тому же твоя жизнь непозволительно длинна, ничего и не остается, как искать себе праздных развлечений. Не существует ни верности, ни предательства; не существует уз и привязанностей, нам никто не может изменить, но нам не на кого и положиться. Мы все играем, и вопрос лишь в том, как к этому относиться и какие правила принимать.

А потому и мое стремление вернуть Циару в эту "незавершенную партию" лишь забава. Ведь будет иронично, как сначала она "помогала" Всаднице наречь меня, а теперь способствует снятию этого же имени? Меня веселит.

Так же, как в свое время веселило желание Циары привязать меня к себе. О, она желала этого не столько из-за своих чувств, сколько из стремления ощутить превосходство. Наше влечение друг к другу напоминало жажду, испепеляющее дерзновение. Мне нравилась ее строптивость и, пожа-

луй, сирене действительно удалось запомниться среди череды лиц и событий моего существования. Наши встречи были двусмысленными — я осознавал нарастающую зависимость от нее, но одновременно не мог отказаться от странного удовольствия, которое она мне приносила своими играми. Но мои действия всегда оставались более искусными и непредсказуемыми; тому удивляться тоже не приходилось.

— Отправляйся к Адель. Сообщи ей мое решение, да убедь, чтобы приняла новый вариант сделки.

— Ну, раз ты так просишь... Все равно собиралась заглянуть к ней. Передам твои слова.

— *Убеди ее.*

— И какова же будет оплата, Княже? Что я получу за свою услугу?

— Опыт.

Из груди Циары вырвался смешок:

— Опыт?

— Именно. Потренируешься в убеждении.

— Хорошо, — согласилась сирена даже слишком легко, следом понимаясь с кресла и театрально потягиваясь. — Но ты явишься в мой дом, когда придет и завершится следующая жатва. Хочу побыть с тобой наедине, без приставучих призраков, теней и фантомов, обитающих в твоём доме. — Я, не скрывая любопытства, следил, как она затем неторопливо подошла, дотронулась до моей щеки острыми темными ногтями. — *Корвус*, — томно протянула сирена, и голос ее был

мягким, но неясным, словно поет дальний ветер, – я бы вырезала и съела твоё сердце, Князь. Как жаль, что его у тебя нет.

– Циара, единственное, зачем ты бы могла вырезать мое сердце – чтобы заполнить собственную пустоту в груди.

Звучный смех девушки прокатился по моему поместью, а сама сирена уже испарилась туманной дымкой, оставив за собой лишь сладко-дымный шлейф аромата ее кожи.

Спустя тысячи лет жизни осознаешь, что наиболее
сладок хаос не тот, где ты являешься основным

Глава 2

Аделина Буланже

Сначала мы пересекаемся словно случайно – находим друг друга глазами среди людей, сталкиваемся на прогулках, – затем намеренно ищем встреч взглядами и обмениваемся благожелательными улыбками. Постепенно наши встречи становятся регулярными. Общение начинается с непринужденных разговоров о погоде, морских пейзажах; мужчины рушит всякое мое представление о пиратах – он образован, оказывается сведущ в музыке и литературе. На

одной из встреч мы почти полчаса обсуждаем назначение Андре Кампра генеральным инспектором Парижской оперы. Наши случайные встречи на улице перерастают в преднамеренные свидания, когда мы согласовываем время и место встречи. Я стараюсь улизнуть от присмотра родителей и прислуги, благо, в усадьбе постоянно шумно, приготовления к свадьбе не стихают ни на час. Удивительно то, что так много этих приготовлений в моей жизни, они нескончаемы, бесконечны, воруют мое время от утра до ночи – но я абсолютно не помню их. Званные обеды. Гости, примерки, согласования... Все стирается, когда я ускользаю в свою свободу, когда диалог с Гектором уводит далеко от дворянской суеты.

Наше взаимное любопытство растет, с каждой встречей мы становимся ближе. Открываемся друг другу, делимся своими мыслями, надеждами и мечтами. Я узнаю, что много лет назад Гектор бежал из точно такой же дворянской семьи, лишь рожденной иным государством; что поступил на привычную службу во флоте, но достаточно быстро сменил ее на *корсарскую*.

"Говоря официально, мы не совсем уж и пираты, мы корсары. А потому мой корабль может спокойно находиться в порту, а мы – в городе. Я жду свою каперскую лицензию, ее должны оставить в ближайший месяц, а после – да здравствует море, да грядет свобода!"

Для Гектора уход из семьи стал делом чести – молодой юноша желал доказать отцу, что способен без его громкого

имени получить и славу, и богатство. С лихвой доказывая свои навыки и способности, еще совсем юный де ла Серна начал строить свой путь к успеху.

Он вложил много усилий, времени и энергии в обучение, развитие навыков и поиск новых возможностей. Молодой моряк смело брал на себя ответственность и риски, чтобы добиться своих целей, и быстро прошел путь от кононира до квартирмейстера. Де ла Серна многократно вел в бой абордажную команду, руководил схваткой, находясь в самом ее очаге; а когда у берегов далекой Америки в налетном сражении был убит прежний капитан корабля, команда единогласно избрала Гектора новым. Первый раз он вернулся в отчий дом спустя пять лет после бегства. Вернулся, уже являясь капитаном быстроходного и смертоносного "Сердца дракона", и отец с гордостью принял возвращение блудного сына: "Хвала Господу, что хотя бы один из моих отпрысков смог доказать, что способен на большее, чем быть бесцельным повесой!".

"Сердце дракона" стало легендой на море – корабль, известный своей скоростью и силой. Гектор и его команда совершали успешные плавания, занимались налетами и грабежами, исследованием новых земель и охотой на врагов короны. Их слава преувеличивалась, и одно только упоминание вызывало страх и трепет среди недругов.

Я слушаю Гектора и теряюсь в рассказах о далеких берегах – о небе, где совершенно иные звезды сияют совершен-

но иначе, где воздух другой. Представляю себя там, на тех берегах, дышащей морским бризом и погруженной в чарующую красоту природы. Гектор описывает встречи с людьми иных стран и прогулки по городам, где архитектура и культура отличаются от всего, что я знаю. В словах капитана такая жажда приключений и неизведанности, что нельзя оставаться равнодушной. С каждым его рассказом я все больше и больше мечтаю об этих далеких берегах, о том, как буду открывать новые миры и встречать новых людей... *И буду делать это рядом с Гектором.*

Наша связь становится сильнее с каждым днем, и мы начинаем видеть друг в друге поддержку, понимание, взаимную симпатию.

Уже к середине июля Гектор начинает являться в мое укромное место в заброшенном саду, и мы встречаем рассветы вместе, глядя на искрящееся море и подернутый сиреневой дымкой горизонт.

– Я бы хотела себе иной жизни, – произношу, обнимая себя за ноги. – Хотела бы быть свободной, как само море. Увидеть, что скрывает горизонт. Не думать об общественном мнении, регламентированном распорядке дня и о том, какое платье следует подобрать к тисовому балу. Мне не нужны литературные салоны, я не желаю обсуждать сюжеты романов – я хочу стать его главной героиней, – оборачиваюсь к Гектору, что смотрит на меня улыбающимися глазами и держит в зубах длинную травинку.

– "Дитя Фортуны, что жизнью стремится в роман", – протягивает он игриво. – Аделина, но свобода – это не только отсутствие ограничений, но и колоссальная ответственность за свои поступки. То же море, – он бережно приобнимает меня рукой за плечи, другой осторожно берется за подбородок и поворачивает лицом к водному пейзажу. Гектор так близко, что ощущаю его щетину на своей щеке, – не всегда спокойно; там бушуют грозы и штормы, оно поглощает людей и сжигает корабли. Непогоды ни избежать, ни миновать волнений, тревог и разочарований. И жизнь не всегда прекрасна... Впрочем, несмотря на все ее превратности – жить все равно замечательно.

– Намекаешь, что мне следует довольствоваться своей жизнью?

– Твоя жизнь не плоха. Судьбой тебе даровано родиться в обеспеченной семье в прекрасные годы.

– Ты тоже был рожден в обеспеченной именитой семье. Но ты сбежал, Гектор, – я вновь оборачиваюсь к корсару, заглядывая в его медовые глаза. – Почему же сам не довольствовался? – он медлит с ответом, невесомо выводя узоры пальцем по моему колену, а я меж тем продолжаю. – Потому что ты хотел сбежать из-под опеки своей семьи, принадлежать одному себе. *Чтобы не фамилия диктовала тебе жизнь, чтобы сама жизнь сделала тебе имя.* Ты выбрал путешествовать, покорять новые горизонты и открывать для себя неведомые миры. Становиться одной из тех редких

душ, которые не боятся прыгнуть вниз со скалы, несмотря на непредсказуемость течения, — откидываю чуть выющиеся длинные волосы на спину. — А представь какого мне? Сейчас я в подчинении отца, скоро стану в подчинении мужа. Которого, к слову, тоже себе не выбирала.

— И что бы ты сама себе выбрала? — улыбается Гектор в усы, наверняка зная ответ.

А я опускаю подбородок на колени, глядя, как чайки кружатся над мачтами кораблей у горизонта.

— Наблюдать закаты и восходы солнца, засыпать под пение чаек и просыпаться под шум волн. Чувствовать, как соленый бриз заряжает меня энергией и дарит новые возможности. Свободно встречать утро где угодно на пути: на теплом песке, у рыбацких лодок, или на скалах, освещенных первыми лучами солнца. Жить в гармонии с природой и нести в себе ее силу, — на сердце в эту минуту легко, тепло, спокойно; и внутри ширится целый мир, куда больший, чем существующий. — Но, самое важное, быть свободной от страха. От страха собственной судьбы, от страха проходить сквозь жизнь с непосильными тяготами роли счастливой жены и хозяйки очередного поместья. Быть такой, у кого нет границ и ограничений. Такой, кто не ищет себя, а находит в силе и свободе океана. Быть собой, быть настоящей, быть свободной, как сам океан. Я хочу быть беспечной и неукротимой.

— Леди Буланже, что за непристойности, — игриво посмеивается Гектор в ответ. — Где ваше дворянское стремление к

стабильности? Где женское желание теплого очага?

Вместо ответа, нарочито-возмущенная выпрямляюсь и толкаю мужчину на землю. Он падает на спину, приминая траву и лиловые цветы фиалок, которыми усыпана поляна. Гектор перехватывает меня за предплечья, утягивая за собой на цветочное ложе.

– Каков нахал! Я открываю ему сердце, говорю совершенно искренне и от чистого сердца, а он смеет смеяться! – продолжаю театрально возмущаться. – Вы хотите быть вызваны на дуэль, господин де ла Серна?

Гектор замирает, внимательно глядя в мое лицо. Глаза его искрятся.

– Боюсь, Адель, я уже проиграл ее тебе.

И у меня загорается на сердце, столь откровенно и интимны слова бесстрашного корсара.

Я робко замираю, когда мужчина перекачивается, оказываясь сверху меня, и аккуратно прижимает мои ладони к земле по обе стороны от головы. Дыхание спирает от необъяснимого счастья и быстроразрастающегося сладкого волнения в груди. Гектор смотрит внимательно, тепло; и проводит языком по своей нижней губе, прежде чем улыбнуться... А я так надеюсь, что он поцелует меня, и от одной лишь мысли этой словно хмелею.

Но мужчина оставляет только один невесомый поцелуй на моей ключице. Затем, посерьезнев, поднимается спешно, подает мне руку, помогая встать на ноги.

— Время, моя солнечная леди, — говорит он тихо, поднимая глаза к листве на деревьях. — Тебя будут искать.

А я понимаю, что Гектор в ту секунду думает об осени, что приближается неминуемо. О том, что ему предстоит отплыть. О том, что мне предстоит свадьба. О том, что придет конец сладкой иллюзии и столь желанному образу нас двоих, бороздящих морские просторы вместе.

Свобода это не только отсутствие ограничений, но и волюссальная ответственность за свои поступки.

Адель

Поначалу чудилось, что в Нигде вечная серость – не меняет цвет небо, не бывает иной погоды, кроме сумрака или тумана, – но спустя время, насыщаясь силами здешних обитателей, питаюсь местной едой и утоляя жажду водой, я стала яснее различать переливы серого в бесконечном куполе раскинувшейся пустоты. Вакуум был полон тумана, но даже он обладал разными запахами, оттенками. Иногда серость начинала точно золотиться, и я представляла, что так приходит рассвет. Когда мрак густел до грязно-серого – думала, что настает вечер. Черно-зеленой считала ночь, а пурпурно-черной – жатву. Я училась понимать эти полутона несменяемого мрака, считывать, что (или кто) за переменами последует, чего ожидать, к чему готовиться.

Я, опершись о метлу, наблюдала за оседающей на пол пылью, что посверкивала изнутри рапсово-желтым светом. Заведение опустело. За барной стойкой переговаривались подносильщицы, что начищали до блеска увесистые граненые бокалы; из второго зала доносилось монотонное завывание фантомов, очищающих пространство от чужих мыслей и ненужных снов: их сметали, подобно мусору, в мешки, да только сотканы они были из звездной пыли и заковывали в себя грезы, как в клещи.

Легкая приятная сонливость. Смутное дежавю – ранее утро, когда солнце еще не взошло, и морской воздух врывался в распахнутое настежь окно, колыша бесшумно тонкие занавески, – улетучилось также быстро, как появилось.

Пахло чистотой. Пахло деревом и острыми специями.

В мыслях всплыла навестившая меня Циара, и предложение Князя, которое он сообщил мне устами сирены. Появился образ Ияра, долгое время старающегося заполучить мое внимание. Вспомнились подготовленные для аконитового зелья ингредиенты... На мгновение показалось, что желаемое так нестерпимо близко, что стоит лишь руку протянуть, дабы его коснуться.

Вариантов масса, как попытаться вывести дракона на столь сильные эмоции, что человеческая оболочка лопнет. Насколько это правильно? Да и существует ли понятие "правильности" в этом случае? Думать о чувствах Ияра? Или о своих потребностях? А может о том, что принесет собой обращение мужчины в огнедышащего змея? Насколько он велик? Опасен? Зачем это нужно Князю? И важно ли мне об этом заботиться, или стоит думать лишь о последствиях для себя? В конечном итоге ответ на вопрос о правильности зависит от этических принципов и моральных установок. Готова ли я сыграть на чувствах Ияра? Действительно ли меня не заботит результат обращения?

Для Циары словно дилеммы не существовало: "К чему столько вопросов и излишние волнения, сладкоголосая? Ты

в Нигде. Здесь нет хороших и плохих последствий, есть только выбор, и зачем делать его в противную от себя сторону? Князь утоляет *свою* жажду: не единожды он повергал всё Межмирье в необычайную опасность лишь потому, что горделив и отравлен чрезмерным самомнением. Он постоянно играет с огнем, с друзьями Всадниками устраивая бесконечные споры. Ияр хочет утолить *свой* голод: ты стала его навязчивой идеей, и он бы не стал гнушаться грязной игры, чтобы заполучить тебя. Он не околдовал тебя драконьими чарами не из уважения к твоему выбору, они просто не сработали, ибо сердце твое отдано, а душа строптива. Жители Нигде? О, они достаточно привыкли к здешней вакханалии; столько всяких плотоядных тварей вокруг, да оживших кошмаров, но никто не стремится с этим бороться, отнюдь. Лишь здесь всё сосуществует в гармонии ведь когда можно быть самим собой и не надевать маски, нет смысла томиться в недовольствах от жизни. Боишься сделать Ияру больно? Не хочешь управлять им ради своих интересов? Закопай ты уже в сыру землю людскую совесть, Аделина Буланже давно мертва: ее легкие полны воды, а останки пожрали во тьме вод рыбы. Ты больше не человек, *Адель*. Ты тень, призрак; и может ты не стремишься получить Аконитовым зельем себе оболочку сущности, но жаждешь мести. Здесь все играют, сладкоголосая, и разве память твоего капитана не стоит того, чтобы попробовать себя в этой нехитрой забаве? Играет Князь. Играет Ияр. И почему *мы* не можем сыграть ими?"

В словах ее был смысл. Или мне хотелось облегчить себе муки выбора его наличием.

– Прощу, – Ноэ словно из воздуха возник рядом, протягивая бокал с серебристой жидкостью, напоминающей плавный металл. – Подношение от Князя. Во имя хаоса и мрака! – звон наших со стригой бокалов слился с переливающимся бренчанием напитков подносящих.

Еще одно несложное зелье. Именно с его помощью Князь даровал нашим именам "защиту". Хотя, насколько мне стало известно, для "умерших", для "теней" в Нигде и защита не нужна; в нас ни силы, ни жизненной энергии. Ноэ тоже принимал несколько иной напиток, ибо в Вакууме обитал под новым именем и истинное знал разве что Князь.

Когда уборка подошла к завершению, я, сбросив фартук и метелку в чулан, села у окна. Оживленные улочки города напоминали маскарад, острые шпили высоких темных зданий терялись в туманной дымке. Блуждающий огоньки скользили меж нелюдей к центру города. *Умиротворение*. Прав Князь, среди хаоса, шума и нескончаемого движения покой ощущается необыкновенно.

Ноэ подошел ко мне, правив объемный кружевной воротник на кремового цвета рубашке. Элегантно опустился в кресло напротив.

Самый верный слуга Князя. Верный ему не страхом, не внутренними алчными мотивами, не спасением от другой твари в стенах Заведения. Ноэ был предан Князю всецело.

О самом стригое я узнала совсем немного, хотя немалое время прожила с ним бок о бок в стенах Заведения. Он не был словоохотлив до периода своей "людской жизни", и любые рассказы начинал с 1555 года, когда его повесили на главной площади одного из городков близ Куртя-де-Арджеш⁴ (подносильщицы перешептывались, что убийство Ноэ, который тогда носил совершенно иное имя (*истинное имя, не называемое им в Нигде*), произошло из-за его родословной: якобы юноша являлся незаконнорожденным, но любимым сыном знатного господаря, обучающего мальчика и желающего узаконить его в фамилии. Так это или нет, но Ноэ раз за разом говорил: "Я пробудился, когда над городом взошла полная луна и осветила стены монастыря. Распахнул глаза, осознал, что удавка держит меня высоко над землей, но нет ни боли, ни страха. Лишь злоба и жгучая жажда крови..." Обратившийся стригой поверг в хаос родной город, за несколько дней пожрав младенцев каждой семьи, что скандировали "вздернуть!" на площади, и чем больше Ноэ ел, тем сильнее становился его голод.

Началось все медленно, с изначально невнятных слухов о пропажах новорожденных. Паника и страх проникли в каждую семью, но никто не мог представить, каким кошмаром обернется эта серия загадочных исчезновений. Новорожденные. Дети. Молодые люди. И выпавший в ту осень снег обогрился кровью.

⁴ Город в Румынии, стоит на берегу реки Арджеш в южной части Карпат

Людей не спасал от стригоя ни металл, ни зелень. Не был ему страшен шиповник, не пугали пучки любистока. Злость его была так сильна, что охотники на нечисть испугались, бежал из города инквизитор... Подносильщицы в Заведении Князя говаривали, что у Ноэ была сестра, да только в порыве своей жажды он выпил ее кровь до дна, иссушил юную совсем девушку до обтянутых кожей костей. А затем взвыл, закричал, да так громко, что вой его слышали в Межмирье.

А на вкус паники и разрушения явился, точно падальщик, Князь. Не знаю, что он делал в людском мире, зачем спускался (или поднимался?) из Нигде, но встреча с ним перевернула жизнь Ноэ. "Он вернул мне рассудок, – пожимал плечами стригой в один из темных часов, опускающихся в городе в час пред наступлением Жатвы. – Словно по щелчку пальцев снял кровавую пелену с глаз, и я услышал среди неразберихи голосов в моей голове свой собственный. В чистом безумии, я начал проникать в глубины своей души, начав осознавать страхи и секреты, которые долгое время скрывались от меня. Город превратился в алтарь хаоса, и я пред Хаосом склонил колено".

А теперь стригой сидел напротив меня, держа манерно фарфоровую чашку и неспешно попивая еще одно зелье – оно умирало безмерный голод Ноэ, которому мужчина давал волю лишь изредка, в часы избранных Жатв.

Почему Князь заинтересовался личностью Ноэ? Почему в свое время взял под свое покровительство? Что различил

в нем среди тьмы? В чем причина присяги Ноэ Князю? Откуда такая самоотверженная верность? Мое любопытство не давало покоя, но время жизни в Нигде ясно дало понять: не следует задавать вопросы, когда тебе уже отказали в ответах. *Не в моем случае, не в моем положении.* Да и терять дружеское расположение Ноэ я не хотела, а стригоя крайне сильно злил интерес к его персоне.

А в голове продолжали звучать слова Циары: "Князь все равно получит желаемое. И ты либо добровольно станешь участницей маскарада, либо окажешься втянута".

– От тебя пахнет страхом, – внезапно тихо проговорил Ноэ, не поворачивая ко мне головы и глядя на шныряющих за окном девушек-фейри. – Это дурной запах, Адель, – стригой обернулся ко мне нарочито небрежно, хотя в перламутрово-серых его глазах читалось внимание и тревога. – Надеюсь, тебе хватит ума не покидать Заведение, пока не приведешь свои чувства в порядок. Страх привлекает хищников.

– Ты тоже хищник, – пожала плечами.

– И хорошо, что ты об этом помнишь.

Время не щадит и ничего не обещает. Я могу, согласно прежнему уговору с Князем служить в Заведении и петь песни, очаровывая и дурманя посетителей; но какова вероятность, что не растеряю остатки себя? Что действительно не рассыплюсь пылью тени? Что не стану одним из призраков-фантомов, служащих Князю безропотно? Что я теряю? О ком стараюсь думать?

За окном узоры тумана тянулись по узким улочкам Нигде.

– Скажи, Ноэ, твои песочные часы... – начала осторожно; стригой заинтересованно склонил голову набок, оправляя пышный воротник. – Насколько быстро истечет время?

Мужчина замер на пару мгновений. Затем неспешно нащупал на своей шее золотую цепочку и, подцепив двумя пальцами, вытянул небольшой кулон из-под рубашки.

Необычайной красоты стеклянный сосудик. Песочные часы, размером от силы в три дюйма. *Песочные часы, в которых не было песка.*

– Но... А как же...

– Измерить время в месте, где его не существует, достаточно сложная задача, – добродушно усмехнулся стригой, обнажая заостренные клычки. – В часах нет песка, ты права, но в них заключена жара *ишмерских пустынь*, и в полной тишине шорох песка всё же можно слышать... Полагаю, – Ноэ закрыл лаза, втянул воздух носом, провел заостренным языком по губам. Помолчал. – Да, полагаю, если запустить часы сейчас, последняя песчинка упадет к часу завершения следующей Жатвы.

– И как понять, что время истекает? – я продолжала рассматривать подвеску в руках стригоя, что зачаровывающе переливалась.

– Часы будут становиться все горячее и горячее, начнут обжигать, и когда время будет на исходе, станут нестерпимо огненными. Опалят кожу.

– Мне придется забрать твою подвеску? – человеку, не знавшему, насколько Ноэ дорожил этим кулоном, вопрос мог бы показаться глупым; однако мне было ведомо, что стригой никогда не снимал золотой цепочки со своей шеи... И только сейчас я заметила, что сплетена она была очень похожим на удавку образом.

Ноэ скривился, нехотя кивая:

– Да. Я отдам ее тебе на время.

Вытерла вспотевшие ладони о платье. *Чего таить, бездна привлекательна; и всю свою жизнь я была готова пасть в ее тьму.* Если уж мне суждено погибнуть от аконитового зелья, не достигнув цели, то чего ждать?

– Хорошо. Давай попробую расколоть оболочку дракона, – ответила твердо. – Как я пойму, что он начинает обращаться?

– У него внутри грудной клетки загорится, начнет светиться, – качнул головой Ноэ. – Чешуя проступит из-под кожи. Его охватит огонь, и он обернется, – стригой недолго помолчал, пока я пыталась представить, как это будет выглядеть. – Признать откровенно, никогда такого не видел; да и, пожалуй, практически никто из наших мест не застал трансформацию дракона. Я знаю наверняка, что сама трансформация не может повредить находящимся рядом. Это миг, когда сознание не существует; а любое действие совершается посредством воли.

Чего таить, бездна привлекательна; и всю свою
жизнь я была готова пасть в ее тьму.

Князь

На улице стояла звенящая тишина. Туман медленно полз по земле, постепенно становясь выше и укутывая город почти неразличимой серой пеленой. Приглушенный мир словно задержал дыхание, в страхе ожидая неминуемого – такое ощущение обычно возникало в Час Жатвы, миг, когда кроважадные твари бесстрашно выползали на охоту за потерявшимися душами, неосмотрительными жителями Межмирья, заблудшими странниками из Шуанны. Жатва всегда наступала неожиданно. Одни говаривали, что приход ее связан с переменами в людском мире. Другие – что в час этот боги испытывали миры на выносливость, желая измерить их прочность и стойкость перед неизбежным наступлением конца бытия; искушали монстров Истинного ада грядущим апокалипсисом, делая их злее и свирепее дразнением, ибо срок фатума не пришел. Беспредельная тьма Пустоты ожесточала и без того суровых и свирепых тварей, кипящая ярость делала их еще более зловещими и жестокими. Жатва в Нигде и прочих городках-островках Вакуума – лишь ступенька, маленькая репетиция Великой гибели, последней схватке и всеобщей расплате. Улицы, обычно шумные и оживленные, становились в подобный час забытыми и пустынными; обитатели Нигде прятались за стенами от улиц, чертили во-

круг себя пентаграммы, магическими символами расписывали двери, солью и травами перекрывали входы в свои жилища, пока в плотном тумане мелькали злобные тени, и только очертания горящих алых глаз вспыхивали в густеющей тьме...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.